

Эрика Суйтс

Из книги „**Võimas ja sünge Patarei: mälestused Patarei vanglast 1924-1990**“,
Eesti kirjandus muuseum ja Ühendus Eesti Elulood, koostanud Rutt Hinrikus.
2007.

Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

Я родилась в Таллинне, но детство провела в деревне. Моя мать вышла замуж за вдовца с тремя детьми. Власть независимой Эстонии дала моему отцу земельный надел в 12 га за участие в Освободительной войне. Надел находился сравнительно недалеко от города, в Мыйгу. Отец работал в мясной лавке, позднее у него появилась и своя лавка.

Мы переехали в деревню, когда мне было 3 года. Земля там была – сплошные заросли, только имелось очищенное место для строительства дома. Отец был очень энергичный и дом вскоре построил. Обзавелись скотом – коровами и лошастью, и началась жизнь земледельцев. Кто из детей подрастал, того сразу запрягали в работу.

После окончания начальной школы я в 1929 г. поступила в частную гимназию Ханса Кубу, которую окончила в 1934 г. Обучение было платное, 80 крон в месяц. В то время это были большие деньги. Я захотела учиться дальше, но моя учеба в университете была невозможна из-за тяжелого экономического положения семьи. Тогда я решила поехать в качестве *au pair*¹ в Англию для изучения английского языка.

Я поплыла на торговом судне, где оказались еще две эстонские девушки. Прибыв в Лондон, мы отправились в эстонское посольство. Там нами занялась жена эстонского посла Айно Саадик. У нее имелось несколько заявок англичан на *au pair*. Каждая из нас получила по адресу с объяснением, как туда доехать. Мне открыла дверь пожилая дама, вдова, нуждавшаяся в компаньонке. Позднее мы очень подружились и переписывались несколько лет. На родину я вернулась в

¹ *Au pair* (франц.) - термин, применяемый для обозначения молодых людей, живущих в чужой стране в принявшей их семье и делающих определённую работу (чаще всего занимающиеся воспитанием детей).

1936 г., но работу сразу не нашла. Тогда я решила научиться бухгалтерскому делу и машинописи.

В феврале 1938 г. появилась возможность устроиться на работу в Эстонское страховое акционерное общество ЭКА машинисткой-корреспондентом. Мне там очень нравилось, но, к сожалению, это общество в ноябре 1940 г. ликвидировали, и началась репатриация балтийских немцев.

Жизнь моя в 1938 г. изменилась. В одной компании я познакомилась с интеллигентным еврейским молодым человеком очень приятной наружности и с хорошими манерами, окончившим Тартуский университет. Поведение его отличалось от поведения наших эстонских парней. Мне это после поездки в Англию импонировало. Он в меня влюбился и стал поговаривать, что хотел бы иметь жену, такую как я. Бывшие мои соученицы накинулись на меня за то, что он другой национальности. Сводные же сестры не обвиняли меня за желание выйти замуж за еврея, говорили - «Эрика делает хорошую партию». Я же хотела знать, что скажут родители. Конечно, я надеялась, что смогу им помочь в их довольно трудном экономическом положении.

Отец моего жениха умер, а с матерью возникли трудности – она была против нашего брака. Несмотря на это, он решил на мне жениться. Это произошло 8 марта 1940 г., в гостях у нас были его ближайшие друзья и несколько моих школьных подруг.

Семья моего мужа всегда жила в Эстонии. Они с братом владели кожным магазином на ул. Уус, 7. Они снабжали фабрику Юнион итальянскими и чехословацкими кожаными заготовками, дубленая кожа поставлялась из других стран. Таким образом, братья напрямую были связаны с зарубежными представительствами, что было очень выгодно. Они считались состоятельными торговцами. Муж мой обладал хорошим художественным чутьем, он также отлично играл на скрипке.

Когда я уже была замужем, отец сказал – «Я знал, что теперь Эндель сможет после школы поступить в университет». Эндель – это мой брат, он младше меня на 6 лет.

Счастье мое было недолгим. Если бы я предвидела, что времена изменятся! Мы жили хорошо и счастливо, но какой это был короткий период!

С приходом русских начались аресты. Старшего брата моего мужа увели в первую же ночь. К нам в истерике прибежала няня его детей и рассказала, что Харри ночью выслали. Мы тут же уехали в Мыйгу к родителям. Может быть, нас спасло и то, что нас не оказалось в так называемом доме Урла на Пярну маантээ, 6. Богатых забрали, а нам предписано было за 12 часов освободить квартиру. Это случилось буквально на следующий день после массовой высылки (14 июня 1941 г.). Нам предложили поселиться в Копли по определенному адресу. Муж поехал посмотреть, там жилья не оказалось, где-то в подвале была мясная лавка, но не жить же в ней. Я позвонила своей портнихе, чтобы отменить примерку и сказала, что нам сейчас вообще негде жить. Она сказала, что живет в трехкомнатной квартире, муж в отъезде, так что может предложить нам две комнаты. Это было на ул. Татари, 6. Она меня просто спасла.

28 августа Таллинн был оккупирован немцами и, в соответствии с их идеологией, на улицах появились призывы к населению – немедленно сообщать о еврейских квартирах и имуществе. В начале войны часть евреев эвакуировалась в СССР, такая возможность обсуждалась во многих еврейских семьях. Я была согласна эвакуироваться, но муж не хотел, сказал, что переживет это время в гетто. Причинами этого он назвал и ссылку брата, и то, что я не говорила по-русски.

Мы, в общем-то, слышали о «кристальной ночи», поговаривали и о создании гетто. Уничтожение евреев уже было, но в концлагеря еще не загоняли, были специальные районы где евреи могли жить.

Я пыталась объяснить, что, может быть, все же стоит эвакуироваться, но муж был категорически против, говорил, что без знания языка мне нечего там будет делать, все равно мы вместе не будем, возможно ему придется пойти в армию.

Высылка в Россию закончилась, похоже, что люди, вроде бы, ждали прихода немцев. Бойцы Омакайтсе² ходили из дома в дом. Можно со стопроцентной

уверенностью сказать, что все они были эстонцами. При обоих режимах были попутчики. Я была на площади Свободы, когда они вошли туда под радостные крики. Я и сама была довольна. Просто после советской высылки 14 июня у всех было хорошее настроение. Даже мой наивный муж радовался, мол, ничего страшного, он все-таки в Эстонии.

13 сентября 1941 г. моего мужа арестовали бойцы Омакайтсе и отвели в отделение полиции. Я сразу развила бурную деятельность – побежала в 5 отделение полиции в конце ул.Татары и обратилась там к Лепику, молодому человеку, работавшему, очевидно, в полиции безопасности. Я рассказала ему об аресте мужа и спросила, может ли он мне сказать, где мой муж. Он ответил, что его сюда привели вчера и пока он – в подвале, но его отсюда увезут. Кажется, я заплакала и спросила, могу ли я его увидеть. Он ответил, что это запрещено. Я была такой несчастной, что он, очевидно, пожалел меня, может быть, я ему понравилась, но он вдруг сказал – «хорошо, я сделаю для Вас исключение, приходите завтра утром, я скажу охранникам, чтобы Вас пропустили, но говорить с мужем сможете не больше 5 минут».

Когда муж меня увидел, он был очень удивлен и испуган, но сразу ко мне подошел. Я сказала, что его отсюда увезут, посмотрим, что дальше будет, может быть, действительно создадут гетто и поместят туда, я буду постоянно следить. Он ответил, что ничего не знает, но просит об одном – я молодая, обязательно должна снова выйти замуж, но только не сразу после войны. Если вдруг он останется в живых, он хотел бы снова быть со мной. Но если он не вернется, я обязательно должна создать новую семью, я же молодая – нужны дети. Это были его последние слова.

² «Самооборона», Омакайтсе (эст. *Omakaitse*) — эстонская военизированная организация, действовавшая в годы Второй мировой войны на стороне Германии.

Смертный приговор был приведен в исполнение 15 сентября 1941 г. Позднее мне выдали свидетельство о смерти. В дальнейшем я даже подружилась с тюремными охранниками. Один из них пришел ко мне и сказал – «Вы такая милая и любезная. Я знаю, где похоронен Ваш муж. Дайте мне свой адрес. Когда освободитесь из тюрьмы, я Вас разыщу (я адрес дала) и повезу в Кабернееме, их увезли туда, мы их сопровождали, а убивали немцы эсэсовцы».

Странным образом прошли несколько лет. Я работала бухгалтером на кожной и обувной фабрике Юнион. Очевидно, кто-то на меня донес, и за мной пришли. Меня арестовали бойцы Омакайтсе на работе 6 января 1944 и отвели домой, где произвели обыск. Конфисковали украшения и золотые монеты. После обыска меня допросили в политической полиции. Часть полицейских отправилась к родителям в Мыйгу, где прошел обыск, но ничего не нашли – ни золота, ни монет. Тогда начали давить, особенно на маму. По решению полиции безопасности моих родителей и брата арестовали по обвинению в сохранении имущества евреев. Их запугивали и угрожали. Издевались – «Отдайте золото и валюту дочери!» Но ничего они так и не нашли. Всех отправили в Батарейную тюрьму – и меня, и родителей. При входе нас разделили, не знаю, куда увели отца и брата, а нас с матерью поместили в отделение «Сиде». Меня втолкнули в третью или четвертую дверь, а маму повели дальше. Я долго о родителях ничего не знала, пока не попала в больницу. Там я узнала, что отец и брат работают на торфяных болотах в Элламаа, а мама – в тюрьме, но по возрасту уже была освобождена от работы.

После слушаний в полиции безопасности, длившихся несколько дней, префект 4-го отделения Пярнсоо приговорил меня к тюремному заключению на неопределенный срок с конфискацией имущества, родителей и брата – к 5 месяцам тюрьмы. Из полиции нас пешком повели в тюрьму, расположенную на краю Таллиннской бухты. Уже издалека были видны массивные стены Батарейной тюрьмы. У входа – большой лозунг – «Arbeit macht frei».

Когда мы вошли, нас разделили в соответствии с наказанием. Сначала нас поместили в камеры, откуда начальство определяло каждому работу. Надзиратель втолкнул меня в полутемную камеру, откуда на меня смотрели испуганно около 10 заключенных. Нар было только 8, значит, часть из нас должна была спать на полу. Хорошо, что я была в шубе, так что спать мне было немного мягче, чем другим.

Каждое утро в 7 часов была переключка. Мы должны были стоять по струнке. После возвращения в камеру, нам в отверстие в двери затапкивали какое-то коричневое пойло и кусок хлеба. Днем можно было только сидеть, лежать не разрешали. Через какое-то время здоровье мое пошатнулось. Ночью меня с внутренними болями привели в тюремную больницу. Палата была большая, с двумя зарешеченными окнами. Утром меня осмотрел врач и спросил, в чем меня обвиняют. Боль смягчилась, дни проходили спокойно.

Однажды утром открылась тяжелая железная дверь, и охранник скомандовал – «Шейн, тебя назначили работать в тюремной аптеке, пошли». Аптека помещалась в конце коридора со стенами в несколько метров толщины. Я зашла в маленькую комнатку, где были стол, стул и плита. Во вторую комнату вела дверь с окошком, в которое мне давались распоряжения. Там работали две женщины-провизора. Первый вопрос, не обвиняют ли меня в коммунизме. Когда я о себе рассказала, отношение ко мне стало более человечным и дружелюбным. Первое мое задание – сделать микстуру из коры крушины, необходимую для тифозных больных. В тюрьме смертность была очень велика.

Из маленького окошка моей аптечной комнатки виден был внутренний двор тюрьмы. В больнице и врачи, и провизоры были эстонцы. Из окна вид был «прекрасный» - рано утром вывозили мертвецов, затем отправляли на расстрел евреев из других стран. Ежедневно велась активная работа – отправляли заключенных в концлагеря в Германию, а также на расстрел в ближние леса.

Выглянув как-то утром в окошко, я увидела, как ставят виселицы. Выяснилось, что трое заключенных собирали что-то от тифозных больных в спичечные коробки и передавали их здоровым, тем самым заражая их тифом. Согласно распоряжению тюремного начальства все заключенные должны были присутствовать на повешении, и в этот день на работу не ходили. К повешению приговорили одного эстонца и двух русских, исполнителем процесса был офицер-эсэсовец.

Положение по-прежнему было напряженным, больные в палатах менялись ежедневно – беспрестанно проводились этапы в лагерь смерти в Германию. Внезапно пришел охранник и обратился ко мне – «Пошли, Вас требуют начальство». Я решила, что меня освобождают, но у них было другое предложение. Лаак сказал – «Мы здесь посмотрели Ваши документы», - он был очень приятный мужчина, такой высокий. – «Вас освобождают». Я, конечно, счастлива. – «Мы посылаем Вас в школу в Германию. Вы свободно владеете английским и немецким языками, и мы посылаем Вас в школу». Я спросила, в какую школу, у меня же нет никакого специального образования. «Нет, нет, Вы это узнаете на месте. Они школу не назвали, но я конечно-же сообразила, что это – контрразведка.

Это произошло в начале марта 1944 г., до бомбежки Таллинна, такое «милое» предложение. Я только что переболела сыпным тифом и сказала, что я еще так слаба, что не могу учиться, может быть, такая возможность возникнет через какое-то время. Лаак сказал, что они поговорят еще с врачами, а пока отложат дело до тех времен, когда я окрепну. Но врачи меня поддержали и подтвердили, что я пока еще слишком слаба. Прошло две недели, наступила мартовская бомбежка. Меня не трогали. А потом началась всеобщая паника, и Лаак сказал, что опять откладывает разговор. Я была очень рада, я ужасно боялась. О моем перемещении в Германию не могло быть и речи.

Мартовская бомбежка Таллинна принесла большие перемены. Едва мне удалось заснуть, как самолеты начали летать и бомбить город. Небо освещалось прожекторами, в палате было так светло, что можно было в игольное ушко вдеть нитку. Взрывы были такой силы, что сотрясались даже толстые стены тюрьмы. Я прижалась к внутренней стене палаты ближе к двери. Комсомольцы, лежавшие в палате, прыгали на своих нарах – «Наши идут, наши идут».

Я смертельно испугалась. Наконец, утихло. Я постучала в дверь и сказала, что мне надо проверить, что делается в аптеке. Моя каморка была покрыта толстым слоем пыли и крошками штукатурки. В следующие дни моя работа продолжалась, но душевный покой был потерян. Зав. аптекой госпожа Соик меня утешала и подбадривала. К концу августа тюрьма опустела, я в больничной палате осталась одна. Стражник распахнул дверь и сказал – «Давай, чеши отсюда, здесь остались только крысы и мыши. Ты свободна!» Темной ночью я поспешно ушла из тюрьмы. Это было 28 августа 1944 г. Город был переполнен немецкими солдатами.

Несмотря на трудности, я добралась до родителей, какая радость снова быть вместе...

Вскоре меня вызвали в НКВД и там допрашивали, как мне удалось освободиться, и почему заключенным не давали лекарств. Я, конечно, страшно испугалась и сказала, что в больнице просто не было лекарств. Меня обвиняли в шпионаже в пользу немцев и в других вымышленных грехах.

Когда начались суды, одним из первых судили не сбежавшего с немцами доктора Фромма. Его приговорили к смертной казни. Всех, кто был в тюрьме и освободился при немцах, обвиняли в сотрудничестве с немцами и сослали в Сибирь. Я думала – «Боже мой, неужели меня убьют». Спаслась я, выйдя замуж за коммуниста Суйтса.

Пережитое никогда не забудется.

Эрика Суйтс (урожденная Нымберг) родилась в Таллинне в 1917 г., там же окончила гимназию. После войны работала бухгалтером. Живет в Таллинне.